

Некрасова Е.Е.
E.E.Nekrasova

ФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

PHYSICAL SPACE/HABITAT AS A COMPONENT OF NATIONAL CULTURAL SPACE

Некрасова Екатерина Евгеньевна – преподаватель кафедры восточных языков Хабаровского пограничного института Федеральной службы безопасности Российской Федерации (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, пер. Саратовский 2, кв. 57; +7(4212) 27-41-20. E-mail: nekrasovaekaterina@yandex.ru

Ms. Ekaterina E. Nekrasova – lecturer at the Department of Oriental Languages, the Boarder-guard Institute of the Federal Security Service of Russia (Khabarovsk, 680000 Saratovsky line 2, 57. +7(4212) 27-41-20). E-mail: nekrasovaekaterina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние характера среды обитания японцев на сознание, мироощущение и мировосприятие (этнопсихологический настрой народа), выявляются истоки и причины «натурализма».

Summary: The paper deals with the influence of the nature of habitat of the Japanesees on their consciousness and worldview (ethno-psychology of a people); it reveals the reasons and roots of the so-called “naturalism”.

Ключевые слова: физическое пространство, национальная культура, стереотип поведения, мироощущение, натурализм, направление развития, географический детерминизм.

Key-words: physical space, national culture, behavior pattern, worldview, mentality, naturalism, way of development, geographical determinism.

УДК 007

Вопросы понимания и организации пространства и времени и их категориального оформления в национальных культурах все больше привлекают внимание современных гуманитарных наук. Исследователей интересует не просто сам факт существования национальных пространственно-временных представлений, но и связь их с судьбами народов, моделями поведения, образами мышления, мировоззрением. Время и пространство – неперенные общие формы организации человеческим разумом полученных из внешнего мира чувственных данных, равно как и разумного оформления нашего личного опыта [8, 119].

Форма пространства и времени, в которой мы живем, образована нашим образом жизни, именуемом понятием «культура» во всей ее исторической глубине и региональном многообразии. Существует столь же много видов форм пространства и времени, как и культур, поскольку человеческий опыт, смоделированный под влиянием этих пространственно-временных форм, столь же многообразен, как и культуры. В последние годы японоведы, занимающиеся изучением категории пространства в традиционной японской культуре как формы организации культуры, пытаются представить культуру как системное целое, части которого функционально взаимосвязаны, и основной функцией их является воспроизводство национальной культуры. В результате чего появились концепции социально-релятивистского, контекстуалистского изучения этосов японской культуры, включающего в качестве важной составной части теоретическое системное осмысление японского понимания пространства и его категории.

Некрасова Е. Е.

**ФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА**

Одним из составляющих национально-культурного пространства в национальной культуре является представление народа о физическом пространстве, т.е. о природной среде его обитания. Следовательно, при характеристике параметров любого общества, наряду с социально-экономическими, политическими и биологическими, в меньшей степени следует учитывать природные и географические категории, вследствие того, что человек существует в природной и социальной среде с одновременной принадлежностью к этносу и социуму. До настоящего времени еще не сложилось единого мнения относительно понятия этнос. Приведем определение этого понятия, данного Л. Гумилевым: «Этнос – коллектив ..., имеющий неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, причем обе составляющие динамичны. Следовательно, этнос – это элементарное явление, не сводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическим явлениям» [2, 56]. Этнос существует в историческом пространстве, взаимодействуя через производственную деятельность с природной средой.

Каждый этнос, народ и государство находятся в определенном пространстве, которое включает географическое положение, ландшафт и этническое окружение. Характер этого пространства накладывает отпечаток на географическое сознание, мироощущение и мировосприятие, иначе говоря, на этнопсихологический настрой народа, а на более высоком уровне формирует в известной мере и его политическое сознание. Природная среда оказывает чрезвычайно сильное влияние на хозяйственную деятельность общества, его уклад, определяет направление развития. На протяжении многих веков ученые, философы, политики обращали внимание на воздействие географических факторов на все стороны развития общества, что впоследствии получило название географического детерминизма.

По мнению ряда исследователей, из всех составляющих географической среды с возникновением и существованием этноса наиболее тесно связан ландшафт. Он фактически является неотъемлемой частью этнической системы, и каждый этнос адаптируется к природному окружению. Но приспособляясь к ландшафту, человек одновременно использует его для своих потребностей. Он творчески подходит к изменению окружающей среды, создавая уже антропогенный ландшафт (архитектура городов, поселений, плотины, дамбы, дороги и пр.), который в значительной мере зависит от характера деятельности каждого этноса.

Не менее важную роль играет и климат. Причем именно с особенностями государственного устройства и политической культурой различных народов этот факт связывают многие исследователи [3, 11].

Для обозначения понятия «физический мир», «природа» японцы обыкновенно пользуются словом «сидзэн». Концепция «сидзэн», отмечает известный французский японовед О. Берк, напоминает аристотелевское определение природы как обладающей в себе началом саморазвития. В японской культурной традиции природа понимается не только как существующая «сама по себе», она воспринимается как «данность», наделенная способностью к спонтанному саморазвитию и обладающая равным с человеком статусом. Отношения человека и природы определяются понятием «натурализм» (сидзэнсюги). Оно предполагает полное слияние человека с естественным миром, принятие явлений таковыми, каковы они есть на самом деле.

Истоки и причины «натурализма» японцев лежат в физико-географических, экономико-географических и исторических условиях жизни на японских островах.

Природная среда Японии с ее отличительными чертами – островным положением, преобладанием горного ландшафта, водами, морем и горными лесами, землетрясениями, вулканами, тайфунами, климатическими особенностями – предопределяет представление японцев о физическом пространстве, его основных границах и доминантах, она детерминирует их. Человек лишь отражает природу, пассивно адаптируясь к ней в своей жизни и даже

раскрывая себя как некоего абстрактного человека. А для адаптации к природным условиям хватало небольшого компромисса с его стороны ввиду относительно легкого физического существования. В Японии необходимость предприимчивости и в действии, и в мышлении была крайне невелика [8, 124]. Японское мышление насколько это возможно избегает любого рода конфронтаций. Это, в свою очередь, приводит японцев к готовности поддерживать существующую стабильность с помощью минимальных изменений, позволяющих принять необходимые решения. Очевидно, оно сторонится любой формы рационального компромисса, основанного на выборе из альтернативных возможностей [9, 52]. Восточная цивилизация проявляет тонкую мудрость, создавая удобные для человеческого существования условия с помощью адаптации самого человека к естественным условиям.

Природа на японских островах нередко выступает и как грозная разрушительная сила. Извержения вулканов, землетрясения, наводнения, горные обвалы и ураганы испокон веку сопутствовали жизни японцев; не в последнюю очередь природные катаклизмы способствовали выработке таких национальных качеств, как мужество, терпеливость, самообладание, сноровка. Природа вызывает в душах японцев и чувство обреченности, и одновременно чувство благоговения [7, 4].

Японские острова вытянулись с севера на юг тонкой цепочкой на протяжении около 4 тыс. км. Отсюда удивительно богатое сочетание природных и климатических условий, ярко выраженное изменение температуры, ветров и осадков в зависимости от места и времени года. Япония на протяжении веков, несмотря на островное положение и небольшую территорию, ощущала себя как теллурократическое, т.е. континентальное государство. Менталитет японцев можно скорее определить как континентальный. Двухсот пятидесяти летняя изоляция страны была необходимым тактическим ходом, обеспечивающим национальную независимость. Вместе с тем российский исследователь древней Японии М.В. Воробьев утверждает, что «привязанность к континенту имела для Японии большее значение, чем изоляция, столь часто отмечаемая» [1, 29]. Япония всегда проявляла чрезвычайно большой интерес к проблемам континента, не говоря уже о заимствовании достижений китайской цивилизации. Полагаясь на умельцев и мыслителей с материка, японцы научились распознавать полезные знания и приспособлять их к своим нуждам. Всё, чем сегодня славится в мире японская культура, было заимствовано в Китае. Однако верно и то, что именно благодаря Японии эти ценности получили мировую известность [6, 52]. По свидетельству крупнейшего японского этнолога Янагида Кунио, его народу издревле была свойственна тяга к поиску чего-то нового за морем. Он считает, что в основном японцы стремились плыть в южном направлении, что это было своего рода магией. Возможно – это генетический код, свидетельствующий о предках, пришедших с Южных морей.

Видение физического пространства в японской культуре также связывают с традиционными занятиями японцев, с хозяйственной деятельностью на Японских островах. Некоторые исследователи отмечают, что хотя природные условия Японских островов и оказали заметное влияние на формирование национальной психологии японцев, нельзя не учитывать и способ производства, в силу того, «что то, что представляют собой люди, совпадают с тем, что они производят, и с тем, как они производят» [7, 4]. Японцы издревле занимались охотой, морским промыслом, животноводством, но большая часть самодостаточного населения возделывала рисовые поля. Выращивание тропической культуры мокрого риса в условиях Японии потребовало от японцев коренного преобразования почв, и сегодня в районах его возделывания нет естественных почв, более того, культура поливного риса определила основные особенности японской культуры. Трудовые навыки, привычки, система поведения, тесно связанные со сложнейшими социальными условиями Японии, формировали у японцев такие черты, как трудолюбие, дисциплинированность, стремление к согласованным действиям в

Некрасова Е. Е.

**ФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА**

группе, а также готовность четко выполнять указания признанного лидера группы. Поскольку на поведение японцев столетиями влияли условия жизни и социальные факторы высокой стабильности, отмеченные черты закрепились в национальном японском характере.

Как отмечалось ранее, именно ландшафт наиболее тесно связан с существованием этноса. 70 % территории страны занимают горы, которые разрезают всю ее площадь на бесчисленное количество небольших, но самодостаточных (из-за обилия воды в горных реках и богатства растительного и животного мира) маленьких территорий. Естественно, что люди, живущие раздельно в узких и значительно различающихся районах, склонны замыкаться в этих маленьких мирках. И сама Япония в целом как островная страна оказалась более замкнутой, по сравнению с материковыми странами, в своей природе, и, будучи закрытым обществом, она еще более дробилась рельефом местности. Вследствие этого в культурно-историческом развитии страны доминировала тенденция естественного возникновения бесчисленного множества мелких замкнутых общностей. Горы и реки, окружавшие долины, как и сам природный мир, становились естественной оборонной линией, и, очевидно, этот факт наложил свою печать на поразительно отличающееся от континентальных народов представление японцев о защите и о дипломатии [8, 128].

Вместе с тем к концу I тысячелетия в отношениях японцев с внешним миром начинают происходить изменения. Он все меньше их интересует и постепенно отодвигается на второй план. Обитателей древнего государства не привлекают дальние страны, поездки и связанные с ними впечатления. Им интереснее находиться внутри своего небольшого обустроенного мира, где все знакомо и предсказуемо. Эта особенность мировосприятия стала важной составляющей национального японского характера. Ощущение внутреннего комфорта и спокойствия, которое дает существование в ограниченном коллективе или пространстве, присутствует в японском менталитете и сегодня. Проживший много лет в Японии американский ученый Роберт Марш сравнивает японское бытие с жизнью в ящике, символизирующем ограниченное пространство. «Жить в ящике – значит жить в обстановке, где все хорошо знакомо. Всем известны мысли и чувства окружающих, поэтому потребность в информативном общении понижена. Закрытая для других людей сфера личной жизни минимальна. Все согласны, что гармония межличностных отношений возможна только в малом коллективе. Традиции, ритуал и правила общения стандартизированы, они гарантируют каждому уважение его личного достоинства, что является условием «всеобщей гармонии». Люди владеют искусством подстраиваться друг к другу и подавлять агрессивные устремления. Единообразие и унифицированность пространства, ограниченного стенами ящика, не имеют аналогов. Обитатели замкнутого пространства уверены, что это их единственный мир, бежать из которого некуда. Ограниченный объем ящика предопределяет абсолютную ценность таких параметров жизни, как эффективность, точность, статусная иерархичность, экономия пространства, безотходность производства и пр. Контроль и организация жизни в ящике требует высокой степени упорядоченности и безопасности» [6, 53]. Ориентированность на свою маленькую «замкнутую общность», равно как и на богатые, но стремительно меняющиеся природные и климатические условия, способствовали развитию у японцев локоцентризма и особого отношения к миру и к природе, в основе которого анимистическое мироощущение, стремление «следовать природе, полагаясь на зависимость от нее и на благожелательный ответ с ее стороны» [4, 27]. Но сам характер природной среды, замкнутость сельских общин и тесная взаимосвязь их членов стали стимулом для развития у японцев чувства трудолюбия и прилежания.

Слияние с природой нашло свое отражение и в передаче физического пространства в японской духовной культуре и быте. В частности, на японских свитках и рисунках тушью человек занимает скромное, иногда почти незаметное место, являясь как бы частью пейзажа. И в искусстве, и в повседневной жизни японцы любят использовать образы природы для выражения человеческих чувств. Японские писатели мастерски вплетают природные метафоры

и образы в ткань повествования. Написанные японцами письма и почтовые открытки всегда начинаются с краткого описания времени года. В японском мировосприятии культура, особенно произведения искусства, воспринимается как высшее выражение природы, а она сама – как завершение культуры. Подтверждением этого является понятие «фудо», означающее одновременно и климат, и состояние нравов. Неразрывность природы и культуры можно заметить и в искусстве разбивки японских садов, и градостроительстве, основной принцип которых создание подобия природных ландшафтов. При этом зачастую отдельные элементы садов являются точной копией какого-нибудь уголка природы. Японские градостроители во многом стараются следовать естественной топографии местности, что ведет к хаотичной застройке, к стремлению вписывать здания в окружающий ландшафт. Традиционный японский дом сооружается не как укрепление, что характерно для многих культур в мире («мой дом – моя крепость»). Он представляет собой непрочное деревянное строение, которое можно открыть на все четыре стороны. Японцы не воспринимают пространство своего дома как замкнутое, независимое от природы. Граница между внешним и внутренним в планировке дома очень подвижна. Люди получают эстетическое удовольствие от созерцания приближенной к их жилищу природы, от созданных мастерством человека предметов быта и искусства. Им нравится размышлять над внутренней сущностью окружающих их предметов. И сами эти предметы тоже уменьшаются в размерах, приобретают чарующую элегантность простоты. Как отмечают исследователи, «японцы открыли в простоте бесконечный источник красоты. Это сдержанная красота» [6, 54]. Отдельно стоящий в вазе цветок или ветка кажутся японцу более эстетичными, чем яркий букет. А прыжок одинокой лягушки в пруду и круги на воде возбуждают больше чувств и ассоциаций, чем их нестройный хор на закате. Японские поэты и писатели часто передают свое восхищение природой через одну – единственную деталь, причем не саму по себе, а через восприятие этой детали человеком. Единичное важнее множественного, а детали существеннее целого – в этом суть японского восприятия мира, которое находит отражение в художественном творчестве.

Главная характерная черта японской культуры состоит в том, что это культура природоподражательная, то есть построенная по образу природы, хотя культура обычно рассматривается как антитезис природы. Источник развития японской культуры – любовь к природе, подобная тому чувству, которое дети испытывают к своим родителям [5, 33].

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев, М. В. Япония в III-VII вв.: Этнос, общество, культура и окружающий мир / М. В. Воробьев. – М.: Наука, 1980. – С. 29.
2. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – М.: Мысль, 1991. – С. 56.
3. Молодякова, Э. В. Японское общество: книга перемен: (Полтора века эволюции) / Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян. – М.: Наука, 1996. – С. 11.
4. Накано, Т. Нихон-но сидзэн / Т. Накано, К. Кобаяси. – Токио: Иванами сэтэн, 1959. – С. 27.
5. Овчинников, В. В. Сакура и дуб: Ветка сакуры; Корни дуба / В. В. Овчинников. – М.: Дрофа-Плюс, 2008. – С. 33.
6. Прасол, А. Ф. Япония: лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере / А. Ф. Прасол. – М.: Наталис, 2009. – С. 52-54.
7. Пронников, В. А. Японцы (этнопсихологические очерки) / В. А. Пронников, И. Д. Ладанов. – М.: Наука, 1985. – С. 4.
8. Япония: общество и культура / под общ. ред. А. И. Фурсова. – М.: ИНИОН, 1999. – С. 119, 124, 128.
9. Yukawa, Hideki. Modern trend of Western civilization and cultural peculiarities in Japan // The Japanese mind. – Tokyo, 1973. – С. 52.